

Первые дни войны

по документам Центрального архива ФСБ России

В. С. Христофоров*

Одной из ключевых проблем для российских и иностранных историков остается исследование причин трагического для Советского Союза начала Великой Отечественной войны. Рассекреченные документы архивов, научные труды и источники личного происхождения позволяют реконструировать ход подготовки Германии к нападению на СССР, выяснить причины неудач Красной армии, проанализировать меры, принимавшиеся советским политическим и военным руководством по предотвращению катастрофы.

В Центральном архиве ФСБ России в материале за 1941 г. хранятся шифротелеграммы и спецсообщения, переданные по ВЧ в первые дни войны. В этих документах содержатся сведения об авиационных налетах и десантах противника, продвижении войск вермахта и оборонительных действиях частей Красной армии. В последующие дни доклады о положении на территории различных областей СССР, подвергшихся агрессии, направлялись в два адреса: в НКВД СССР — Л. П. Берия и в НКГБ СССР — В. Н. Меркулову, а после объединения Наркоматов госбезопасности и внутренних дел, с 21 июля 1941 г. — в единый НКВД СССР¹. Изучение этих материалов дает возможность воссоздать картину драматических июньских дней 1941 г. Но этим событиям предшествовали не менее значимые, о которых также сохранились свидетельства в архивах органов безопасности.

Воздушная разведка территории СССР накануне войны

Утвердив план «Барбаросса», Гитлер поставил германским генералам задачу готовиться к военному походу на Восток. Осознавая, что «проблема русского пространства и необозримые просторы делают необходимым сосредоточение войск в решающих пунктах», Гальдер² записал в своем дневнике, что требуется массированное введение в бой авиации и танков. Для удара по СССР немецкое командование сосредоточило 2700 самолетов люфтваффе, или 65% ВВС первой линии. Для того чтобы избежать преждевременного раскрытия авиационной группировки на Востоке, большая часть ударной авиации до последних дней оставалась на Западе, как бы демонстрируя намерение вермахта продолжать подготовку к высадке на Британские острова³.

По каналам советской внешней и военной разведки поступали данные о подготовке к широкомасштабному использованию германских ВВС в боевых действиях против СССР. Начиная с февраля 1941 г. специально оборудованные разведывательные самолеты люфтваффе систематически совершали полеты над западной частью территории Советского Союза вплоть до Крыма, ведя аэрофотосъемку военных аэродромов и других важных объектов. Как отмечает видный английский специалист в области военной авиации Р. Джексон⁴, полеты германских самолетов проходили на высоте до 12 тыс. м,

* **Василий Степанович Христофоров** — доктор юридических наук, главный научный сотрудник Института российской истории РАН.

и немцы располагали подробными сведениями об аэродромной сети западных военных округов. К тому же эта разведывательная операция дала им сведения о дислокации советских бронетанковых соединений вблизи от границы — исключительно ценная информация для командования немецких танковых дивизий, наступавших в авангарде армий вторжения.

Самолеты германской авиации, совершая полеты с аэродромов в Бухаресте, Кенигсберге и Киркенесе, вели аэрофотосъемку советской территории. Полученные материалы передавались в 5-й (разведывательный) отдел Главного штаба люфтваффе, где составлялись планы бомбардировок важнейших объектов Советского Союза. В первую очередь предполагалось нанести бомбовые удары по коммуникациям, железным дорогам, мостам с целью воспрепятствовать подвозу резервов с востока на запад и нарушить пути снабжения, идущие с юга на север. Разрабатывались планы бомбардировок крупных городов (Ленинград, Минск, Мурманск, Белосток, Кишинев) и железнодорожных узлов (Киев, Харьков, Валуйки, Лиски, Львов, Курск, Касторное, Воронеж, Брянск, Елец, Грязи, Мичуринск, Тула, Вязьма, Сухиничи, Гомель). По данным советской внешней разведки, в качестве объектов бомбардировок немецкой авиации были также крупные заводы в Москве и электростанции, особенно в Донецком бассейне. Намечалось подвергнуть бомбардировке аэродромы, расположенные по западной границе СССР.

Германские военно-воздушные атташе активно занимались сбором информации о военно-воздушных силах СССР. Немцы считали слабым местом советской авиации наземные службы и поэтому надеялись сразу же дезорганизовать их путем интенсивных бомбардировок. Да и в целом авиацию Красной армии они оценивали невысоко, считая, что в «силу своей тяжеловесности, излишнего радирования и сложности ключей» оперативность руководства чрезвычайно затруднена⁵.

В начале апреля 1941 г. НКГБ СССР получил агентурные данные о том, что в главном штабе люфтваффе окончательно утвердили план нападения на Советский Союз. Весной 1941 г. в пограничной с СССР полосе немцы ускоренными темпами строили и переоборудовали аэродромы и посадочные площадки. На территории генерал-губернаторства было создано два аэродромных узла (Люблинский и Замостье)⁶. Предусматривалось, что воздушные налеты будут сконцен-

трированы на наиболее важных объектах, «так как советская промышленность разбросана на огромной территории и бомбардировкой в короткий срок не удастся нарушить нормальной военно-хозяйственной жизни страны».

Германские самолеты совершали разведывательные полеты над советской территорией на глубину до 200 км над районами: Рига, Кретинга, Тауроген, Ломжа, Рава-Русская, Перемышль, Ровно⁷.

21 апреля 1941 г. временному поверенному в делах Германии в СССР В. Типпельскирху была вручена вербальная нота по поводу многочисленных фактов нарушения советской границы германскими самолетами. К ноте был приложен список 80 таких случаев за период с 27 марта по 18 апреля 1941 г.

15 апреля в 16 час. 55 мин. (по московскому времени) над городом Ровно появился двухмоторный немецкий военный самолет. Вылетевший на перехват советский истребитель вынудил немецкий самолет совершить посадку в полтора километрах от Ровно. После совершения посадки из самолета вышли два немецких военных летчика и взорвали самолет, пытаясь уничтожить самолет, аппаратуру и документацию. Взрывом была вырвана кабина и часть фюзеляжа. У задержанных германских летчиков была изъята маршрутная карта, в фюзеляже обнаружен фотоаппарат и несколько рулонов фотопленки. При осмотре фотопленки и других документов установили, что германский самолет 15 апреля летал в районе Шепетовки и заснял на пленку станцию Шепетовка и окружающую местность, а также район города Малин, расположенного в 90 км от города Киева. Возле самолета были обнаружены клочки карты на немецком языке, на которых нанесены река Десна, местечко Круты, город Глухов, Нежин и другие пункты Черниговской области⁸.

Германский самолет был оснащен оборудованием для ночных полетов, имел радионавигационную аппаратуру: радиогоризонт, радиоконпас, дистанционный компас, другое оборудование, полностью обеспечивающее разведывательные и боевые полеты (сохранились лишь обломки этого оборудования). Помимо этого на самолете имелись три фотоаппарата для высотной аэрофотосъемки: один аппарат марки «RB-50/30» фирмы «Цейс» F-50 и два аппарата марки «RB-75/30» фирмы «Цейс» F-75. Аппараты могли производить съемку с высоты 8–10 тыс. метров, были снабжены заменяемыми кассетами,

в каждую из которых заряжалось 50 м пленки, что давало возможность на одной из кассет произвести примерно 160 снимков. В обломках кабины обнаружены 3 кассеты, заснятые 15 апреля 1941 г. от 14 до 14 час. 15 мин. (по берлинскому времени), о чем имелись автоматически сделанные пометки на самой пленке⁹. Вокруг самолета было собрано 46 обрывков карт, по-видимому, изорванных в кабине радиста и при взрыве. На отдельных обрывках имелись карандашные пометки двух видов: красная черта, обозначающая, по-видимому, трассу полета; синие пометки, которыми обведены некоторые районы. Красная черта проходила по территории Житомирской и Киевской областей¹⁰.

Подготовительная работа для операции против СССР, как информировал 22 апреля 1941 г. В. Н. Меркулов, продолжалась с прежней интенсивностью: «первостепенное место в этой разработке занимает использование фотоснимков, сделанных в результате полетов немецких самолетов над советской территорией»¹¹.

12 июня Л. П. Берия направил в ЦК ВКП (б) и СНК СССР обобщенные данные о нарушениях германской авиацией воздушного пространства СССР: за период с октября 1940 г. по 10 июня 1941 г. со стороны Германии нарушили границу Советского Союза 185 самолетов. При этом за май и десять дней июня 1941 г. границу СССР нарушил 91 германский самолет. В ряде случаев немецкие самолеты пролетали над советской территорией до 100 и более километров и особенно в направлении районов, где возводились оборонительные сооружения, а также над расположением крупных гарнизонов Красной армии¹². За период с 10 по 21 июня 1941 г. пограничными нарядами НКВД СССР было зафиксировано 141 случай нарушения границы СССР иностранными самолетами. Из них: со стороны Финляндии — 17, со стороны Германии — 104, со стороны Венгрии — 2, со стороны Румынии — 17, со стороны Маньчжоу-Го — 1. Самолеты углублялись на территорию СССР на 35–35 км¹³.

Массовые налеты люфтваффе

Рано утром 22 июня начались массовые эшелонированные воздушные налеты, одиночными самолетами и группами от 10 до 50 бомбардировщиков, на приграничные пункты и аэродромы на глубину до 400 км, а также выброски с самолетов в тыл Красной армии парашютных десантов (до 250–300 человек) для нарушения управления войсками, а также совершения ди-

версий на коммуникациях и линиях связи, объектах промышленности и транспорта. Чтобы понять сколь масштабными были налеты авиации противника, приведем некоторые данные, поступившие от наркомов Украинской ССР В. Т. Сергиенко¹⁴ и П. Я. Мешика¹⁵ в первый день войны, 22 июня 1941 г.

Первые сведения были получены в 4 часа утра о бомбардировке г. Севастополя. В 4 час. 20 мин. немецкие самолеты появились над г. Владимир-Волынский, в 4 час. 30 мин. шел воздушный бой в районе г. Колки, г. Дубно (Волынская область), одновременно подверглись бомбардировке окрестности г. Луцка. В районе Гросулово (Одесская область) два немецких самолета сбросили 8 бомб, был поврежден аэродром. В 4 час. 45 мин. самолеты противника появились над г. Ковелем (Волынская область), были сброшены бомбы, обстрелян г. Броды, на аэродроме пожар. Было сбито два вражеских самолета. На ст. Рудня Почаевская вражеские самолеты преследовались двумя нашими истребителями.

В 5 час. над г. Кагул (Молдавия) шел воздушный бой. В 5 час. 20 мин. бомбардировке подверглись города Дрогобыч, Луцк, Львов, Камень-Каширск.

В 6 час. 12 мин. в Бельцах совершен налет на советский аэродром. Над г. Кагулом было сбито шесть немецких самолетов. Один румынский самолет направился в г. Одессу. Выслано звено истребителей для встречи. В 6 час. 35 мин. в с. Ольшанка Шацкого района Волынской области немцами выброшен парашютный десант. В 6 час. 45 мин. в г. Киеве дан сигнал «Угрожаемое положение». Повреждена телефонная линия Львов-Луцк-Дрогобыч.

В 7 час. над г. Киевом появились девятнадцать немецких самолетов с красными звездами на плоскостях, бомбили аэродром ст. Пост. Волынский-Киев. В 7 час. 30 мин. вражеские самолеты появились над Болградом и сбросили несколько бомб. Над ст. Киверцы летало семь немецких самолетов. В то же время самолеты противника появлялись над г. Дубно (Ровенская область), сбросили бомбы. В 7 час. 55 мин. девятнадцать немецких самолетов бомбили Белоцерковский аэродром.

В 8 час. 5 мин. вражеские самолеты появились над г. Ровно, бомбы не сбросили. В 8 час. 35 мин. немецкие самолеты сбросили несколько бомб на старый аэродром г. Аккермана (Одесская область), в 8 час. 45 мин. немцы третий раз бомбили аэродромы Любитов, Хлыново,

Колки, Дубно, Киверцы, Елецк и окрестности Луцка и Броды.

В 9 час. над г. Вилково и г. Килия (Одесская область) появились двенадцать самолетов противника, совершивших налет на Севастополь. В Грзуловском районе были сброшены на аэродром около 20 бомб. В 9 час. 10 мин. над г. Ровно появились тринадцать германских истребителей, был подвергнут бомбардировке г. Хотин (Черновицкая область). В 9 час. 25 мин. тринадцать бомбардировщиков бомбили г. Луцк. В 9 час. 40 мин. были подвергнуты бомбардировке аэродромы Черновицы и Собакури.

В 10 час. 20 мин. два бомбардировщика противника бомбили г. Самбор (Львовская область).

В 11 час. 5 мин. шесть самолетов противника бомбили Малый Гвоздец (Станиславская область). В 11 час. 25 мин. м. Куликово (в 18 км от г. Львова) подверглось бомбардировке шестью самолетами противника.

В 12 час. 36 мин. над городом Черновицы появилось 60 тяжелых бомбардировщиков. В 12 час. 40 мин. немцы бомбили аэродром Шулявка (г. Киев).

В 13 час. 5 мин. в районе Черновиц шестьдесят самолетов противника вели бой с советскими летчиками. В 13 час. 15 мин. девять самолетов противника бомбили Владимир-Волынский, велась усиленная бомбардировка г. Ковеля и г. Любомля (Волынская область). В 13 час. 50 мин. в г. Броды самолеты противника несколько раз бомбили аэродром над м. Куликово.

В 14 час. в г. Трёмбовле (Тарнопольская область) самолеты противника обстреливали воинский эшелон. На город было сброшено несколько бомб. На перегоне Тарнополь — Мост — Великие два самолета противника обстреляли поезд и взяли курс на новостроящийся аэродром. В с. Кривое Козовского района два бомбардировщика сбросили бомбы. В с. Бережанах обстреляна железнодорожная станция и войсковая часть. На аэродроме г. Трёмбовля в результате воздушной бомбардировки возник пожар. В Черновицах обстрелян ангар, сгорело 25 самолетов. В Кодымском районе (Одесская область) и г. Аккермане сброшено несколько авиабомб. Города Рени, Карталы и Вилков интенсивно обстреливаются. В 14 час. немцы бомбили аэродром Бучач (Тарнополь), десять самолетов выведено из строя, ранено двадцать человек. Также бомбардировке подвергнут Тарнополь. На окраинах города рвутся бомбы. Из ВВС никого нет. Бомбы сброшены в Копчин-

ском районе. В Золотниках, в 3 км от райцентра, приземлился немецкий самолет. Летчики разбежались. Самолет цел. В Злочинском районе на ст. Плугово три бомбардировщика обстреляли пассажирский поезд. Самолеты взяли курс на г. Тарнополь. В Гуцаловском районе разбит наш самолет. В 14 час. 18 мин. самолеты противника бомбили четыре района Станислава: Гвоздец, Снятин, Большовцы и Калуш. На ст. Калуш бомбардировке подвергнут пассажирский поезд. В 14 час. 20 мин. в районе Волочиска обнаружено десять германских бомбардировщиков, в воздухе наших истребителей не было. В 14 час. 25 мин. через г. Кишинев направились 68 бомбардировщиков и 22 истребителя противника. В 14 час. 45 мин. в районе городов Перемышль, Дрогобыч, Стрий, Хиров, Добромист отмечены неоднократные налеты вражеской авиации. Сбито четыре вражеских самолета, из них два в тылу.

В 15 час. 25 мин. через г. Кишинев на Котовск прошла эскадрилья противника, по предварительным подсчетам, до 1.500 самолетов. В 15 час. 35 мин. в 3 км от Проскурова на нашу колонну войск сброшено несколько бомб. Ранено 8 человек. В 15 час. 45 мин. в с. Спилово (Львовская область) от сброшенных противником бомб на аэродроме сгорело пятнадцать самолетов. Сбито два бомбардировщика противника. В 15 час. 53 мин. три самолета противника подвергли пулеметному обстрелу г. Трёмбовль (Тарнопольская область). В Бучанском районе противник сбросил десять бомб.

В 16 час. в Торчинском районе (Волынская область) шел воздушный бой. Сбито два немецких бомбардировщика, два летчика задержаны. В Родеховском районе (Львовская область) на аэродроме брошенной зажигательной бомбой уничтожено шесть наших самолетов. Один наш самолет сбит в воздухе. Немецкая авиация обстреливает г. Родехов из пулеметов. В Одесском районе сбит один немецкий бомбардировщик. Над г. Львовом на высоте 1500 м прошли двенадцать германских бомбардировщиков. В 16 час. в селах Козовского района Тарнопольской области сбито два неприятельских самолета. В 16 час. 8 мин. над Львовом появилось восемнадцать немецких двухмоторных бомбардировщиков. Сброшены бомбы в центр города. В 16 час. 20 мин. на ст. Сербиновцы (Винницкая область) немецкий самолет «Юнкерс» обстрелял наш эшелон и направился в сторону Жмеринки. Самолет преследуется тремя нашими истребителями. В воздушном бою над г. Торчином наши

самолеты посадили немецкий самолет. В 16 час. 35 мин. в Тернопольской области на высоте 2 тыс. м появилось 20 бомбардировщиков противника. В 16 час. 40 мин. на Бучакском аэродроме авиацией противника уничтожено шесть наших самолетов, четыре выведены из строя. Противник бомбит аэропорт в г. Трёмбове. В 16 час. 50 мин. под Луцком был бой на высоте 2 тыс. м. Пятнадцать германских бомбардировщиков ушли курсом на запад.

В 17 час. через Луцк-Ровно прошла большая группа германских бомбардировщиков. В 17 час. 20 мин. на высоте 800 м восемнадцать германских бомбардировщиков бомбили аэродром м. Млынов.

В 18 час. 50 мин. немецкие самолеты бомбили окрестности Луцка. В 18 час. 55 мин. в Трёмбовльском районе (Тернопольская область) нашими самолетами был посажен немецкий самолет. В Струцком районе в результате обстрела вражеской авиацией на аэродроме пожар. Сбит один самолет противника. В районе Потуторы Бережанского района пулеметным огнем с самолета обстрелян железнодорожный батальон.

В 19 час. тринадцать бомбардировщиков улетели из Львова в направлении Ровно. Связь с районами Львова прервана. В 19 час. 20 мин. на аэродром Винчи Ровенской области был налет 17–19 бомбардировщиков. В 19 час. 30 мин. на высоте 1500 м двадцать три бомбардировщика бомбили Ровно. В 19 час. 45 мин. над г. Коростень (Житомирская область) появились два вражеских 2-х моторных бомбардировщика. После обстрела нашей зенитной артиллерией повернули в сторону г. Овруча (Житомирская область).

В 20 час. 2 мин. самолеты противника появились вблизи Овруча, бомбили Михайловский аэродром. После бомбежки ушли курсом на запад. Сброшены бомбы на Тернополь. В районе с. Бяла в 5 км от Тернополя опустилось два германских самолета. В 20 час. 54 мин. со стороны Желебца на Овруч вылетело пятнадцать самолетов противника.

В 21 час. 5 мин. немцы бомбили Коростень, в 21 час 15 мин. — Луцк. В 21 час. 54 мин. через Олевсу на Житомир направилось пять самолетов противника.

В 22 час. 45 мин. над Коростенем (Житомирская область) восемнадцать германских бомбардировщиков сбросили бомбы и ушли по направлению Шепетовки. В 22 час. 10 мин. Луцк подвергся интенсивной бомбардировке¹⁶.

План внезапного удара по основным советским аэродромам сработал. Подкравшись на большой высоте, немецкие бомбардировщики нанесли удар как раз в тот момент, когда в 3 час. 15 мин. немецкая артиллерия открыла огонь. Основные силы люфтваффе пересекли границу, 500 бомбардировщиков, 270 пикирующих бомбардировщиков и 480 истребителей направились к намеченным целям. К 4 час. 30 мин. большинство немецких самолетов уже вернулись на свои базы, где наземные команды спешно заправляли их горючим и бомбами, готовя ко второму удару.

Информация о том, как прошел первый день войны для ВВС Прибалтийского особого военного округа (ПриОВО), имеется в архивном уголовном деле на бывшего командующего ВВС округа генерала А. П. Ионова¹⁷. По этим данным, 19 июня 1941 г. командующий округом генерал-полковник Ф. И. Кузнецов¹⁸ приказал привести в боевую готовность ВВС округа. 21 июня 1941 г. письменным приказом были поставлены задачи с указанием районов действий и объектов противника (удар по авиации и моточастям немцев и разрушение складов противника в районах Кенигсберга и Мемеля). В ночь с 21 на 22 июня 1941 г. (примерно в 3 час. ночи) был получен новый приказ о приведении частей ВВС округа в полную боевую готовность с немедленным вылетом для выполнения боевых задач. Однако спустя 30 мин. приказ был отменен, а вылет самолетов задержан. Командующий округом отменил приказ, предполагая возможность провокации со стороны Германии. В это время уже были получены данные о том, что германская авиация нарушила советскую границу. Советская авиация осталась на аэродромах, а затем последовали налеты германской авиации на аэродромы, повлекшие большие потери, особенно в материальной части. После первого налета немцев части ВВС были подняты в воздух. В связи с изменившейся обстановкой были поставлены задачи по взаимодействию с наземными войсками и нанесению удара по мотомеханизированным частям противника. За первый день войны, согласно данным, поступившим к А. П. Ионову, части ВВС округа потеряли 133 самолета¹⁹.

По его мнению, причинами столь значительных потерь стала слабо развитая аэродромная сеть. «В основном всё строительство аэродромов велось силами ВВС округа. К началу войны округ имел всего 27 площадок, включая основные

аэродромы. Больших средств для увеличения числа аэродромов у меня не было»²⁰.

Немецкое командование, придавая особое значение завоеванию господства в воздухе, бросило на уничтожение советской авиации до половины самолетов, сосредоточенных против СССР. В первые же часы войны была предпринята серия массированных ударов по аэродромам пограничных округов: 26 аэродромов Западного, 23 — Киевского, 11 — Прибалтийского особых военных округов и 6 аэродромов Одесского военного округа. В первый день войны советские ВВС потеряли 1 тыс. 200 самолетов: 300 было сбито в воздушных боях и 900 — уничтожено на аэродромах. Тяжелый урон был нанесен авиации Западного особого военного округа, где 528 самолетов был уничтожено на земле и 210 сбито в воздухе²¹.

Десанты и диверсанты противника

Германским военным командованием до нападения на СССР были определены объекты, которые требовалось уничтожить в первые часы после начала боевых действий. Такие объекты классифицировались на несколько групп. Так, в приказе начальника штаба немецкой группы армий «Б» от 20 мая 1941 г. указывалось, что для вывода из строя объектов, намеченных командованием 4-й армии, выделяется одна рота 800-го учебного полка особого назначения (численностью 220 человек). Начало операции планировалось в ночь перед наступлением. Часть объектов должна быть захвачена и обезврежена силами небольших подразделений (по 30 диверсантов «при полной маскировке, т. е. в форме русских солдат»). Отряды диверсантов по 60 человек (при частичной маскировке, когда поверх немецкой формы надевалась гражданская одежда) во взаимодействии с частями первого эшелона перед началом наступления занимали другие объекты и удерживали их до прихода германских войск. Остальные объекты должны быть захвачены в ходе наступления, причем, как подчеркивалось в приказе, «следует использовать силы, принимавшие участие в захвате предыдущих объектов, и выделить резерв времени, с тем, чтобы они могли выполнить задачу до прихода передовых частей»²².

Об участии германских диверсантов в нападении на Советский Союз после войны рассказывали на допросах сотрудники спецслужб Германии. Для успешного руководства всей разведывательной работой германских войск, пред-

назначавшихся для вторжения в СССР, германской военной разведкой в конце мая 1941 г. был организован специальный разведывательный орган, так называемый штаб Валли, размещенный вблизи Варшавы. Кроме того, для боевой деятельности на советской территории была подготовлена специальная воинская часть — полк особого назначения «Брандербург-800».

Капитан Герман Киршнер²³, бывший командир 4-й роты 1-го батальона полка «Брандербург-800», на допросе 1 июля 1949 г. рассказал об операции, которая была проведена под его руководством в июне 1941 г.: «В ночь с 21 на 22 июня 1941 г. в 10 километрах от гор. Перемышль в районе польской деревни Валава мне [...] было предложено совместно с 228-м пехотным полком 101-й дивизии форсировать реку Сан, закрепиться и подготавливаться к дальнейшему наступлению. По выполнении данной операции я совместно с ротой в течение 5–6 дней находился в данном районе и принимал участие в небольших боевых операциях с частями Советской армии. В одной из операций [...] 4-й ротой было пленено 23 солдата Советской армии, которые по моему указанию были направлены в распоряжение 228-го пехотного полка и их дальнейшая судьба мне неизвестна. Примерно, 30 июня 1941 г. я с ротой был переброшен в район гор. Львова, где получил задание в период наступления захватить в городе электростанцию, казармы и склад боеприпасов. 1 июля 1941 г. я совместно с войсками немецкой армии вступил в гор. Львов и захватил указанные объекты, которые в течение одной недели охранял»²⁴.

Бывший заместитель начальника диверсионного отдела (Абвер III) полковник Эрвин Штольце²⁵ на допросах в 1945 г. сообщил: «В марте или апреле 1941 года мой начальник — руководитель отдела Абвер-2 — полковник (ныне генерал) Лахузен вызвал меня к себе в служебный кабинет и поставил в известность о том, что вскоре предстоит военное нападение Германии на Советский Союз и в связи с этим предложил мне использовать все данные о Советском Союзе, которыми располагал отдел Абвер-2, для проведения необходимых мероприятий по диверсии против СССР»²⁶.

Штольце получил указание от Лахузена организовать и возглавить специальную группу под условным наименованием «А», которая в связи с намечавшимся нападением на СССР должна была заниматься исключительно подготовкой диверсионной и разложенческой

работы в советском тылу. Основная подрывная деятельность проводилась отделом Абвер-II через так называемые абверкоманды и абвергруппы. На Восточном фронте функционировали четыре Абверкоманды (201, 202, 203, 204), каждая из которых находилась при штабе армейской группировки. В подчинении Абверкоманд имелось всего около двенадцати абвергрупп, находившихся при штабах армий. Число агентов, находившихся одновременно во всех абверкомандах и абвергруппах, которые действовали на Восточном фронте, было от 200 до 400 человек. Перед переброской в тыл советских войск агенты проходили краткосрочную подготовку по диверсионному делу. Кроме переброски агентуры с диверсионными заданиями в ближайший тыл Красной армии, отдел Абвер-II направлял также своих агентов в глубокий тыл советских войск.

Абвером были подготовлены специальные диверсионные боевые группы для подрывной деятельности в Прибалтике. Так, например, агентуре, предназначенной для заброски в Литву, была поставлена задача захватить железнодорожный туннель и мосты близ г. Вильно, а диверсионные группы, предназначенные для действий в Латвии, должны были захватить мосты через реку Двина. Все захваченные таким образом стратегические объекты должны были удерживаться диверсионными группами до подхода регулярных германских войск.

На допросе 15 октября 1946 г. полковник Штольце дополнил свои показания об участии диверсантов в нападении на СССР рассказом о событиях в Прибалтике: « [...] подполковник Гербер установил связи с латышскими националистами и повел вербовочную работу среди них, создавая подрывные и диверсионные группы. Конкретные фамилии, через кого проводилась эта работа, и кто был привлечен, я сейчас не помню. Помню, что одной из задач, которая ставилась при проведении этой работы — являлся захват мостов через реку Западная Двина, предотвращение их разрушения частями Красной армии и удержание этих мостов до подхода германских войск [...].

Благодаря действиям агентуры, тоннель около г. Вильнюс и ряд железнодорожных мостов на территории Литвы не были разрушены, и германская армия могла ими пользоваться. Также были сохранены мосты через реку Западная Двина, но возник спор, чья эта заслуга. Военное командование утверждало, что мосты были

захвачены быстро продвигающимися частями, которые предотвратили их разрушение, и представило к награде многих участников операции. Наша же агентура, созданная из литовских националистов, считала сохранение мостов своей инициативой, утверждая, что они помешали их разрушению отступающими частями Красной армии. Этот спор так и не был разрешен, так как события развивались быстро и постоянно возникали новые вопросы. [...] Нефтяные предприятия в районе Дрогобыча сохранились, но я не могу сейчас утверждать, что это результат проведенной под моим руководством подготовки или результат того, что Красной армией не предпринимались попытки к уничтожению предприятий»²⁷.

В целях своевременной и успешной ликвидации диверсантов СНК СССР 24 июня принял постановление, возложив на органы НКВД организацию борьбы против парашютистов и диверсантов на территории Калининской, Ленинградской, Мурманской Ростовской областей, Карело-Финской, Украинской, Белорусской, Эстонской, Литовской, Латвийской и Молдавской ССР, Крымской АССР, Краснодарского края и западной части Грузинской ССР. На основании решений ЦК компартий союзных республик, обкомов, горкомов и райкомов партии в июле 1941 г. в прифронтовой полосе было создано 1 тыс. 755 истребительных батальонов²⁸ по борьбе с парашютными десантами и диверсантами противника общей численностью 328 тыс. человек. В истребительные батальоны без отрыва от постоянного места работы подбирали проверенных, смелых и самоотверженных людей, способных владеть оружием. Кроме борьбы с парашютными десантами истребительные батальоны несли охрану промышленных предприятий, железнодорожных станций, осуществляли патрулирование в населенных пунктах, выполняли различные оперативные задачи органов безопасности и внутренних дел. В случае угрозы оккупации территории противником истребительные батальоны преобразовывались в партизанские отряды. Для координации деятельности истребительных батальонов и обеспечения успешной борьбы с парашютными десантами и диверсантами противника в прифронтовой полосе в НКВД СССР дел был образован штаб, а в НКВД-УНКВД по Калининской, Ленинградской, Мурманской Ростовской областям, Карело-Финской, Украинской, Белорусской, Эс-

тонской, Литовской, Латвийской и Молдавской ССР, Крымской АССР, Краснодарскому краю и западной части Грузинской ССР — оперативные группы. Начальниками истребительных батальонов назначались опытные оперативные сотрудники органов безопасности²⁹.

С первых дней войны совместно с органами НКВД решительную борьбу с парашютными десантами противника, диверсионными и «бандитско-повстанческими группами, организованными контрреволюционными элементами», вели органы госбезопасности. Соответствующие указания по этому поводу были даны в директиве НКГБ СССР от 24 июня, которая предписывала не реже двух раз в сутки всеми доступными способами направлять в НКГБ СССР информацию о положении дел на местах. Следовало «решительно пресекать проявления паники и растерянности среди оперативного состава органов НКГБ, арестовывать паникеров и трусов», а также «форсировать эвакуацию арестованных, в первую очередь из районов, в которых создалось напряженное положение»³⁰.

В Центральном архиве ЦСБ России сохранились документы, в которых зафиксированы события первых часов и дней войны. Сообщения, поступавшие практически ежечасно из Киева и Минска, полны драматизма.

22 июня 1941 г. органами госбезопасности УССР были зафиксированы выброски нескольких парашютных десантов противника: в 6 час. 35 мин. в с. Ольшанка Шацкого района Волынской области и в 7 час. 5 мин. в районе Радехово.

В 11 час. 20 мин. в районе Владимир-Волынский немцы высадили десант в форме работников НКГБ.

В 12 час. 36 мин. десант из ста человек высадился на аэродроме в Черновицах.

В 13 час. 5 мин. в районе с. Татарка в 7 км от г. Одессы выброшен немецкий парашютный десант из ста человек. В 13 час. 8 мин. около Житомира высадился десант противника в форме НКВД. В 13 час. 10 мин. в 15 км от г. Одессы, вблизи с. Татарово, высадился воздушный десант противника численностью около ста человек.

В 14 час. в г. Рени выброшен водный десант, который был отеснен обратно на румынскую сторону. В 14 час. 20 мин. за г. Люсдорфом (15–18 км от Одессы) выброшен немецкий десант до двухсот человек в форме НКВД.

В 15 час. в Маневичском районе (Волынская область) с бреющего полета сброшены две

собаки и восемнадцать парашютистов, которые ушли в лес. В Ковельском районе высажен десант. В 15 час. 30 мин. в Демидовском районе (Ровенская область) высажен десант противника.

В 16 час. 20 мин. в Залещицком районе Тернопольской области выброшен воздушный десант из трехсот человек. В Козловском и Бережанском районах выброшены десанты неустановленной численности. Есть сигналы о формировании банд повстанческого характера.

В 17 час. 30 мин. в районе с. Марцевка около г. Станислава выброшены два парашютиста.

В 18 час. в Демидовском районе Волынской области выброшен парашютный десант из двенадцати человек. В Маневичском районе Волынской области в с. Севериниха на стройплощадке высадился парашютный десант из восемнадцати человек, южнее Млинова выброшен десант с 18 самолетов противника.

В ночь на 23 июня пришла очередная телеграмма, в которой сообщалось: «Луцк подвергается большой бомбардировке, горит большинство домов центра, в том числе ряд областных учреждений. Часть здания НКГБ и полностью здание горотдела НКГБ разрушены. Имеются жертвы, в том числе среди сотрудников НКГБ. Имеющиеся сведения о высадке десанта проверяются»³¹.

Не менее сложно складывалась обстановка в Белоруссии. Нарком госбезопасности БССР Л. Ф. Цанава³² 25 июня в 12 час. передал по ВЧ из Могилева в Москву: «НКГБ СССР, Меркулову. Доношу, что согласно предложения штаба фронта вчера правительственные учреждения города Минска были эвакуированы, в том числе было предложено эвакуировать НКВД и НКГБ Белорусской ССР.

Минск в продолжение трех дней подвергался интенсивной бомбардировке с воздуха. Самая сильная из них была 24 июня, в результате чего в городе разрушены средства связи, электростанция, водопровод и другие хозяйственные организации. Под особый прицел немецкими бомбардировщиками были взяты здание ЦК партии, штаб Белорусского особого военного округа и здание НКВД и НКГБ. От прямых попаданий и разрывов бомб в непосредственной близости эти помещения выведены из строя. В результате бомбардировок в Минске вспыхнуло много пожаров.

Согласно указанию штаба Западного фронта, работники центрального аппарата НКГБ

и НКВД Белорусской ССР, а также имущество, в ночь с 24 на 25 июня были погружены в вагоны и эвакуированы в Могилев. Арестованные, находящиеся в тюрьме Минска, вывезены из города»³³.

«Арестовать контрреволюционеров и шпионов ...»

В начале войны была проведена коренная перестройка деятельности Наркоматов госбезопасности и внутренних дел. Предстояло в короткий период времени решить сложные задачи по их мобилизационному развертыванию и внести изменения в организационную структуру, формы и методы оперативной работы. 22 июня 1941 г. в 9 час. 10 мин. Нарком госбезопасности В. Н. Меркулов подписал директиву всем подчиненным ему подразделениям: немедленно «привести в мобилизационную готовность весь оперативно-чекистский аппарат НКГБ–УНКГБ, провести изъятие разрабатываемого контрреволюционного и шпионского элемента», вскрывать и предупреждать все возможные вредительско-диверсионные акты в системе народного хозяйства и в первую очередь на предприятиях оборонной промышленности и железнодорожного транспорта, немедленно принимать «оперативные меры к пресечению попыток вражеских элементов нанести ущерб Советской власти»³⁴.

Так, исходя из требований этой директивы, было принято решение арестовать государственных и политических деятелей Латвии, Литвы и Эстонии, которые в 1940 г. были административно высланы и в разных городах проживали с семьями под гласным надзором местных органов внутренних дел.

Архивные документы свидетельствуют, что исполнение полученных указаний началось немедленно. На следующий день, 23 июня, в НКГБ СССР стали поступать доклады из УНКГБ краев и областей.

Начальник УНКГБ по Тамбовской области доложил, что 23 июня подвергнуты домашнему аресту, а 26 июня с санкции областного прокурора арестованы проживавшие в городе Тамбове как административно высланные бывший министр иностранных дел Литвы И. К. Урбшиш³⁵ и его жена, интернированы германские подданные³⁶.

Из Молотовской области сообщили: «Согласно Вашему распоряжению взят под домашний арест бывший военный министр Латвии

Беркис³⁷ и его семья. Приступили к интернированию германских подданных»³⁸.

Органами НКГБ Башкирской ССР 25 июня арестован бывший президент Эстонии К. Я. Пятс³⁹, в этот же день в Воронеже был арестован бывший министр иностранных дел Латвии В. Н. Мунтерс⁴⁰. 4 июля УНКГБ по Куйбышевской области с санкции областного прокурора арестован бывший военный министр буржуазного правительства Латвии И. П. Балодис⁴¹.

Большинство из арестованных высокопоставленных должностных лиц дали показания о том, что в свое время, занимая различные посты в правительствах Латвии, Литвы и Эстонии, «вели борьбу с революционным движением, с компартией и проводили враждебную политику по отношению к Советскому Союзу». Беркис, Мунтерс, Урбшиш, Ульманис⁴² и другие арестованные рассказали следователям, что «после заключения договоров о взаимопомощи между СССР и Латвией, Литвой и Эстонией бывшие руководители правительств этих стран саботировали выполнение взятых на себя обязательств, пытались создать антисоветский блок прибалтийских государств, ориентируясь на фашистскую Германию».

УНКГБ по Красноярскому краю для обеспечения государственной безопасности принимал меры по «изъятию шпионских, белогвардейских и других антисоветских элементов, в частности активно проявляющих себя осадников⁴³, спецпереселенцев из западных областей Украины и Белоруссии, а также беженцев с территории бывшего польского государства, занятой Германией», интернированию лиц немецкой национальности, проводил аресты и других лиц «при наличии достаточных для этого материалов»⁴⁴.

Согласно директиве НКГБ СССР № 127/5809 от 22 июня 1941 г. предписывалось совместно с НКВД–УНКВД обеспечить охрану важнейших промышленных предприятий, железнодорожных узлов, станций мостов, радиотелефонных, телеграфных станций, аэродромов банков и т. д., мобилизовать внимание работников милиции на борьбу с возможными проявлениями паники, привести в готовность пожарные команды⁴⁵.

Органы госбезопасности и внутренних дел были переведены на казарменное положение и приступили к проведению мероприятий, направленных на обеспечение административного режима и правопорядка. Были взяты под особый контроль оборонные заводы и режимные пред-

приятия, выставлены дополнительные милициские посты, организована охрана социалистической собственности, усилена пожарная охрана и проведены профилактические мероприятия по проверке противопожарной готовности объектов городов и населенных пунктов, состояния охраны объектов транспорта, хранения оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ, усилена охрана тюрем и лагерей. Для обеспечения порядка организовано патрулирование в городах работниками милиции⁴⁶.

Для обеспечения общественного порядка в Москве запрещался въезд всем лицам, не прописанным в городе, за исключением лиц, специально командированным по вызовам наркоматов СССР и РСФСР. В пределах Москвы запрещалось фотографирование и киносъемка без специального разрешения. Запрещалось движение легкового транспорта и пешеходов, не имевших специальных пропусков. В Москве было установлено регламентированное время работы учреждений и организаций. Театрам, паркам, кино, клубам и т. д., а также предприятиям — торговым (магазины, рынки), общественного питания (рестораны, столовые, кафе) и коммунального обслуживания (бани, прачечные, парикмахерские) — предписывалось заканчивать работу не позднее 22 час. 45 мин.

На основании совместной директивы НКВД СССР и Прокурора СССР, подписанной 22 июня, исправительно-трудовые лагеря, тюрьмы и колонии также были переведены на военное положение. Прекращалось освобождение «контрреволюционеров, бандитов, рецидивистов и других опасных преступников», а также поляков, немцев и иностранных подданных, их запрещалось использовать на работах вне охраняемых зон, содержание допускалось только в усиленно охраняемых зонах, максимально усиливалось конвоирование заключенных. Кроме того, в исправительно-трудовых учреждениях были проведены аресты заключенных, на которых имелись материалы о проведении ими антисоветской деятельности⁴⁷.

Правовой основой борьбы с преступностью и нарушениями законности для органов НКВД были указы Президиума Верховного Совета СССР, постановления ГКО, СНК СССР и ЦК ВКП (б), военных советов фронтов, изданные в военное время, а также указания И. В. Сталина. Так, в выступлении по радио 3 июля 1941 г. он сказал: «Мы должны организовать беспощадную борьбу со всякими дезорганизаторами тыла».

«Нужно немедленно предавать суду военного трибунала всех тех, кто своим паникерством и трусостью мешает делу обороны, невзирая на лица».

Причины неудач Красной армии

Стремительное продвижение германских частей в глубь территории СССР, направление в тыл Красной армии десантов и диверсантов противника отрицательно влияли на настроения населения и психологическое состояние Красной армии. Решающее значение в дезорганизации некоторых частей и соединений имело большое превосходство противника в танках и авиации. Авиация противника, имевшая полное превосходство в воздухе, своими непрерывными и безнаказанными действиями наносила большие потери войскам Красной армии и лишала их способности к сопротивлению⁴⁸. Среди командного состава нередко возникали растерянность и паника, в окружении и плену оказались сотни тысяч советских военнослужащих. Для того чтобы остановить наступление противника, наряду с частями и соединениями Красной армии в бой пошли наспеш сформированные, недостаточно подготовленные и вооруженные дивизии народного ополчения, истребительные батальоны и партизанские отряды.

Почему в начальный период Великой Отечественной войны Красная армия оказалась в трагическом положении, можно понять, проанализировав различные источники: архивные документы, дневники и воспоминания участников Великой Отечественной войны, а также научные исследования, посвященные событиям 1941 г. Неудачи были обусловлены целым рядом причин.

Во-первых, это были просчеты советского военно-политического руководства в оценке сроков нападения Германии на СССР. Сталин был убежден, что войны в 1941 г. не будет, он считал, что Гитлер не нападет на СССР, пока не завершит боевые действия против Англии. Эта убежденность Сталина передавалась командному составу Красной армии и порождала благодушные настроения.

Некоторые сообщения разведки прямо говорили, что Гитлер предпримет поход против СССР только после разгрома Англии. Так, в начале марта 1941 г. Разведывательное управление Генштаба Красной армии получило от агентов из Будапешта и Бухареста сообщения, исключавшие возможность выступления Германии

против СССР. В первом документе сообщалось, что «выступление немцев против СССР в данный момент считают все невысказанным до разгрома Англии. Военные атташе Америки, Турции и Югославии подчеркивают, что германская армия в Румынии предназначена в первую очередь против английского вторжения на Балканы и как контрмера, если выступит Турция или СССР. После разгрома Англии немцы выступят против СССР». Во втором подчеркивалось, что «возможность выступления немецких войск, сконцентрированных в Румынии, против СССР в Берлине решительно исключают»⁴⁹.

20 марта 1941 г. заместитель начальника Генштаба Красной армии Ф. И. Голиков⁵⁰ направил записку в НКО СССР, СНК СССР и ЦК ВКП (б): «Большинство агентурных данных, касающихся возможностей войны с СССР весной 1941 года, исходит от англо-американских источников, задачей которых на сегодняшний день, несомненно, является стремление ухудшить отношения между СССР и Германией». Далее был сделан вывод, что «наиболее возможным сроком начала действий против СССР является момент после победы над Англией или после заключения с ней почетного для Германии мира. Слухи и документы, говорящие о неизбежности весной этого года войны против СССР, необходимо расценивать как дезинформацию, исходящую от английской и даже, быть может, германской разведки»⁵¹.

4 апреля 1941 г. В. Н. Меркулов направил Сталину, Молотову, Тимошенко агентурные сообщения, полученные из Берлина, о планах военного выступления Германии против Советского Союза. По данным, полученным от агента советской внешней разведки, оперативный план наступления Германии против СССР предусматривал «молниеносный удар на Украину и дальнейшее продвижение на восток»⁵². В сообщении был сделан вывод, что документы, проходившие через Главный штаб люфтваффе, свидетельствовали о полной готовности Германии к выступлению против СССР, но эти сведения «еще не дают оснований утверждать, что вопрос о выступлении окончательно решен верховным руководством».

В мае 1941 г. в НКГБ СССР получили еще несколько агентурных информаций из Берлина, в которых содержались данные о планах нападения Германии на Советский Союз. Эти сведения были противоречивыми и не позволяли сделать однозначный вывод о планах Гитлера.

Так, в записке НКГБ СССР, направленной 1 мая в ЦК ВКП (б) и СНК СССР, говорилось о том, что «вопрос о выступлении Германии против Советского Союза решен окончательно и начало его следует ожидать со дня на день»⁵³.

В записке НКГБ СССР от 14 мая говорилось об усиленной подготовке в Главном штабе люфтваффе операции против СССР. Все данные свидетельствовали о том, что «выступление намечено на ближайшее время». В разговорах среди офицеров штаба часто называлась дата начала войны с СССР — 20 мая. В то же время называлось и другое время выступления — июнь 1941 г. В информации обращалось внимание, что вначале Германия предъявит Советскому Союзу ультиматум с требованием более широкого экспорта в Германию и отказа от коммунистической пропаганды. Предъявлению ультиматума будет предшествовать «война нервов» в целях деморализации Советского Союза. По мнению источника информации, «большая часть германского офицерства, а также некоторые круги национал-социалистической партии настроены явно против войны с СССР. В этих кругах войну против СССР считают безумным предприятием, которое может привести Гитлера к краху»⁵⁴.

В записке, которую В. Н. Меркулов направил руководству страны 25 мая, говорилось, что Германия сконцентрировала на советской границе около 160–200 дивизий, снабженных большим количеством танков и самолетов, которых имелось там около 6 тыс. В то же время «война между Советским Союзом и Германией маловероятна, хотя она была бы очень популярна в Германии, в то время когда нынешняя война с Англией не одобряется населением», «Гитлер не может идти на такой риск, как война с СССР, опасаясь нарушения единства национал-социалистической партии... Германские военные силы, собранные на границе, должны показать Советскому Союзу решимость действовать, если ее к этому принудят. Гитлер рассчитывает, что Сталин станет в связи с этим более сговорчивым и прекратит всякие интриги против Германии, а главное, даст побольше товаров, особенно нефти»⁵⁵.

17 июня В. Н. Меркулов направил Сталину агентурное сообщение из Берлина, в котором отмечалось, что «все военные мероприятия Германии по подготовке вооруженного выступления против СССР полностью закончены, и удар можно ожидать в любое время». Как теперь из-

вестно, Сталин не поверил этому сообщению, грубо обругал и назвал одного из самых ценных агентов НКГБ СССР «дезинформатором»⁵⁶.

Анализ архивных документов свидетельствует, что в первой половине 1941 г. внешняя и военная разведка направляла Сталину достаточно достоверную информацию о положении в Германии и подготовке Гитлера к нападению на СССР. Однако по сложившейся в те времена практике каждый материал докладывался в отдельности, в том виде, в каком он поступал, без аналитической оценки и комментариев. Будучи доложенной в разобранном виде, информация о военных приготовлениях не создавала убедительной целостной картины происходящих событий, не отвечала на главный вопрос: с какой целью эти приготовления осуществляются, принято ли в Германии политическое решение о нападении, когда следует ожидать агрессии, каковы будут стратегические и тактические цели ведения противником военных действий. Для убедительного ответа на все эти вопросы требовалась глубокая аналитическая работа⁵⁷.

Во-вторых, рассматривая причины поражений в 1941 г., следует учитывать, что в войсках Западного, Киевского и Прибалтийского особых военных округов не было завершено формирование механизированных корпусов и войск ПВО, перевооружение авиации, а также сам театр военных действий оказался не подготовленным (не до конца завершена реконструкция железных дорог, строительство укрепленных районов по рубежу новой государственной границы, не подготовлены аэродромная сеть, системы связи, тыловые склады, базы и т. д.)⁵⁸.

Неподготовленность театра военных действий была связана с тем, что в 1939–1940 гг. государственные границы СССР были передвинуты на запад. Первое приращение территорий произошло после того как 17 сентября 1939 г. части Красной армии в соответствии с секретным протоколом о разделении «сфер влияния» между Германией и СССР в Восточной Европе вошли на территорию Западной Украины и Западной Белоруссии. В 1940 г. части Красной армии вступили в Бессарабию и Северную Буковину, на территорию Литвы, Латвии и Эстонии. После создания просоветских правительств, проведения выборов и обращения народных сеймов Литвы и Латвии и Государственной думы Эстонии в августе 1940 г. был принят закон СССР о вхождении Литвы, Латвии и Эстонии в состав Советского Союза.

Именно на территорию Западной Украины, Западной Белоруссии, Бессарабии, Северной Буковины, Литвы, Латвии и Эстонии в 1940 г. были передислоцированы первые эшелоны войск западных округов. Это решение было ошибочным, так как районы еще не были должным образом подготовлены для обороны, и в то же время, не завершив строительство новых оборонительных рубежей, разрушили укрепления на старой границе СССР. Проект строительства укрепленных районов, утвержденный в 1940 г., был рассчитан на несколько лет и к июню 1941 г. не был реализован, между укрепрайонами по фронту имелись промежутки, доходившие до 50–60 км.

В-третьих, — к началу войны в западных военных округах не удалось создать боеспособных группировок; войска и штабы Красной армии оказались не подготовленными к отражению нападения. Группировки войск западных округов не соответствовали военно-политической обстановке и противостоящим силам противника. Помимо этого, было проведено ошибочное сосредоточение основных сил Красной армии на украинском направлении, в то время когда Гитлер ударил своими главными силами с белорусского направления.

О допущенных в предвоенный период роковых ошибках писал в мемуарах Г. К. Жуков: «И. В. Сталин был убежден, что гитлеровцы в войне с Советским Союзом будут стремиться в первую очередь овладеть Украиной, Донецким бассейном, чтобы лишить нашу страну важнейших экономических районов и захватить украинский хлеб, донецкий уголь... Сталин для всех нас был величайшим авторитетом, никто тогда не думал сомневаться в его суждениях и оценках обстановки. Однако в прогнозе направления главного удара противника он допустил ошибку»⁵⁹.

В-четвертых, репрессии 1937–1938-х гг., которые Сталин развернул против командного состава Красной армии, коснулись десятков тысяч военнослужащих, от маршала до рядового, и существенно понизили боеспособность Красной армии и крайне негативно сказались на морально-психологическом состоянии. В результате репрессий на командные должности назначались офицеры, не имевшие опыта руководства воинскими коллективами и организации боевых действий⁶⁰.

Документы Центрального архива ФСБ России свидетельствуют, что репрессии в отношении военных продолжались и в 1940–1941 гг.

Так, накануне войны в мае–июне 1941 г. подразделениями военной контрразведки по ложным обвинениям была арестована большая группа генералов Красной армии, ранее служивших в буржуазных армиях Латвии, Литвы и Эстонии. По ложным обвинениям за «участие в антисоветском военном заговоре» была арестована группа генералов ВВС — А. А. Левин⁶¹, П. И. Пумпур⁶², А. И. Филин⁶³, Э. Г. Шахт⁶⁴ и др. Даже после того как начались боевые действия, запущенный механизм репрессий продолжал набирать обороты и аресты продолжались. Так, в конце июня 1941 г. с согласия Сталина по ложным обвинениям были арестованы генералы К. А. Мерецков⁶⁵, Г. М. Штерн⁶⁶, А. Д. Локтионов⁶⁷, П. В. Рычагов⁶⁸, Ф. К. Арженухин⁶⁹, П. С. Володин⁷⁰, Н. А. Ласкин⁷¹, И. И. Проскурлов⁷² и многие другие. В то время когда германская авиация, имея полное превосходство в воздухе, наносила удары по частям и соединениям Красной армии, по мирным городам и населенным пунктам Советского Союза, генералы ВВС Красной армии находились в заключении и не могли ни участвовать в боевых действиях, ни обучать летный состав.

Проводились аресты по обвинению в участии «в военно-фашистском заговоре», как среди генералов действующей Красной армии, так и среди тех, кто преподавал в военных учебных заведениях. Например как «участники антисоветской группы» была арестована группа генералов Военной академии им. Фрунзе⁷³. В течение всей войны они находились под арестом; следствие велось неспешно и необъективно, тех, кто дождался суда в 1951–1952 гг., приговорили к 25 годам лишения свободы. Лишь после 1953 г. началась реабилитация необоснованно репрессированных лиц, в том числе и большой группы генералов Красной армии, осужденных к длительным срокам или расстрелянных в военные годы.

Для того чтобы объяснить населению, почему части Красной армии не могут защитить свою территорию и продолжают отступать, Сталин и его окружение прибегают к испытанному еще в 1937–1938 гг. способу — поиску «заговорщиков» среди высокопоставленных военных и их публичному наказанию.

16 июля 1941 г. ГКО принимает постановление «об аресте и предании суду военного трибунала бывшего командующего Западным фронтом генерала армии Д. Г. Павлова⁷⁴, бывшего начальника штаба Западного фронта генерал-майора Климовских В. Е. и других». В по-

становлении ГКО отмечалось, что хотя «части Красной армии в боях с германскими захватчиками в большинстве случаев высоко держат знамя Советской власти и ведут себя удовлетворительно, а иногда прямо героически, отстаивая родную землю от фашистских грабителей». Однако наряду с этим ГКО признавал, что «отдельные командиры и рядовые бойцы проявляют неустойчивость, паникерство, позорную трусость, бросают оружие и, забывая свой долг перед Родиной, грубо нарушают присягу, превращаются в стадо баранов, в панике бегущих от обнаглевшего противника». ГКО призывал принимать «строжайшие меры против трусов, паникеров, дезертиров», которые были «хуже врага, ибо он не только подрывает наше дело, но и порочит честь Красной армии». Расправа с паникерами, трусами и дезертирами объявлялась «священным долгом, если мы хотим сохранить незапятнанным великое звание воина Красной армии». Командование Западного фронта обвинялось «в трусости, бездействии, отсутствии распорядительности, развал управления войсками, сдачу оружия противнику без боя и самовольное оставление боевых позиций»⁷⁵.

Характер постановления ГКО не оставлял надежд на объективное следствие и независимое судебное разбирательство. В обвинительном заключении, которое было готово уже 21 июля, сказано: «Павлов признал, что в заговорщических целях не готовил к военным действиям вверенный ему командный состав, ослабляя мобилизационную готовность войск округа, и из жадности мести за разгром заговора открыл фронт врагу».

На следующий день, 22 июля, состоялось закрытое заседание Военной коллегии Верховного суда по делу Д. Г. Павлова, В. Е. Климовских, А. Т. Григорьева и А. А. Коробкова, приговорившей всех четверых к высшей мере наказания — расстрелу с конфискацией имущества. Приговор был приведен в исполнение в тот же день.

Чрезвычайные меры государственных властей и военного командования в условиях войны и осадного положения в отношении предателей, дезертиров, паникеров, членовредителей и граждан, уклонявшихся от выполнения своего долга, можно считать оправданными. Но необходимо отметить, что в чрезвычайной обстановке несправедливо обвинялись в предательстве или трусости подчас те военнослужащие, которые честно выполняли свой долг. Они нередко становились заложниками неблагополучного хода

событий, не зависящих от них обстоятельств, которые складывались в боях с превосходящими силами противника. Неслучайно арестованный генерал армии Павлов на предложение следователя дать показания о «предательской деятельности» заявил: «Я не предатель. Поражение войск, которыми я командовал, произошло по не зависящим от меня причинам... Я не изменник, злого умысла в моих действиях как командующего фронтом не было. Я также не виновен в том, что противнику удалось глубоко вклиниться на нашу территорию».

Несправедливо обвиненные Д. Г. Павлов и его ближайшие помощники были лишь первыми ответчиками за все, в том числе и за ошибки Сталина и руководителей Наркомата обороны и Генерального штаба Красной армии.

Поиск виновных в оставлении Смоленска привел к тому, что 21 июля 1941 г. Особым отделом НКВД 16-й армии был арестован начальник Смоленского гарнизона, полковник П. Ф. Малышев⁷⁶. Его обвинили в том, что не обеспечил выполнение приказа командующего войсками Западного округа об организации обороны Смоленска, бросил свой пост и скрылся, в результате чего противник беспрепятственно занял город. 2 августа Военный трибунал Западного фронта, рассмотрев следственное дело по обвинению П. Ф. Малышева, возвратил его на следствие и предложил создать военную экспертную комиссию оперативного отдела штаба Западного фронта⁷⁷. Комиссия рассмотрела обстоятельства оставления г. Смоленска 15–16 июля 1941 г. и пришла к выводу, что все мероприятия по обороне города были выполнены в соответствии с приказом командующего войсками Западного округа. Войска, оборонявшие город, были сборные и недостаточно обученные, что исключало возможность организовать за короткий срок достаточно прочную и устойчивую оборону. Ввиду отсутствия у начальника гарнизона штаба и средств связи, управление разрозненными группами пехоты и артиллерии было неосуществимо. Оборона города в сложившейся обстановке была сложной задачей и не могла быть решена слабыми силами гарнизона Смоленска⁷⁸.

Продолжавшееся отступление Красной армии побуждало Сталина искать пути повышения стойкости советских частей и соединений. В целях борьбы с паникерами, трусами, пораженцами, самовольно оставлявшими позиции без приказа высшего командования, 12 августа

1941 г. был издан приказ наркома обороны СССР, в котором военным советам действующих армий было разрешено предавать суду военного трибунала лиц среднего и старшего начсостава до командира батальона включительно. Приказ, с одной стороны, сыграл определенную роль в усилении сопротивления врагу, а с другой — имел негативные последствия, когда суду военного трибунала без достаточных оснований предавались лица, не совершившие никаких преступлений, а отступившие под натиском превосходящих сил противника.

16 августа Сталин, Молотов, Буденный, Ворошилов, Тимошенко, Шапошников и Жуков подписали приказ № 270 Ставки ВГК Красной армии, до сих пор вызывающий острые дискуссии. Приказ был направлен всем членам и кандидатам ЦК, секретарям обкомов, крайкомов, ЦК компартий, председателям областных и краевых исполкомов, СНК союзных республик, всем секретарям райкомов, горкомов и председателям райисполкомов и горисполкомов и имел гриф «Без публикации».

В приказе подчеркивалось, что «в нашей освободительной войне с немецко-фашистскими захватчиками части Красной армии, громадное их большинство, их командиры и комиссары ведут себя безупречно, мужественно, а порой прямо героически». Приводились примеры, когда части Красной армии, даже попав в окружение, сохраняли дух стойкости и мужества, не сдавались в плен, старались выйти из окружения. В то же время в приказе было отмечено, что «мы не можем скрывать и того, что за последнее время имели место несколько позорных фактов сдачи в плен врагу. Отдельные генералы подали плохой пример нашим войскам». Утверждалось, что проявил трусость и сдался в плен командующий 28-й армией генерал-лейтенант В. Я. Качалов⁷⁹, поддался панике, струсил и сдался в плен врагу командующий 12-й армией генерал-лейтенант П. Г. Понеделин⁸⁰, дезертировал с поля боя и сдался в плен врагу командир 13-го стрелкового корпуса генерал-майор Н. К. Кириллов⁸¹.

В приказе обращалось внимание на то, что «члены военных советов армий, командиры, политработники, особотдельщики, находившиеся в окружении, проявили недопустимую растерянность, позорную трусость и не попытались даже помешать перетрусившим Качалову, Понеделину, Кириллову и другим сдать в плен врагу». В приказе подчеркивалось, что командиров и политработников, во время боя срывающих

с себя знаки различия и дезертирующих в тыл или сдающихся в плен врагу, нужно считать злостными дезертирами, семьи которых подлежат аресту как семьи нарушивших присягу и предавших свою Родину дезертиров. Обязать всех вышестоящих командиров и комиссаров расстреливать на месте подобных дезертиров из начсостава... обязать каждого военнослужащего, независимо от его служебного положения, потребовать от вышестоящего начальника, если часть его находится в окружении, драться до последней возможности, чтобы пробиться к своим, и если такой начальник или часть красноармейцев вместо организации отпора врагу предпочтут сдаваться ему в плен — уничтожать их всеми средствами, как наземными, так и воздушными, а семьи сдавшихся в плен красноармейцев лишить государственного пособия и помощи»⁸².

Сталин и его ближайшее окружение считали, что мерами, основанными на принуждении и страхе, они смогут повысить стойкость войск. При этом не учитывалось, что в окружение попадали, как правило, части и соединения наиболее стойко оборонявшиеся, зачастую это происходило из-за отступления соседей. Именно поэтому в числе репрессированных оказалось большое количество наиболее самоотверженных красноармейцев и командиров, а также лица, оказавшиеся в плену или окружении по причине контузии, ранения и т. п.

Руководствуясь приказом Ставки ВГК № 270, 2 октября 1941 г. Главная военная прокуратура Красной армии возбудила в отношении Понеделина и Кириллова уголовные дела по обвинению их в совершении преступления, предусмотренного ст. 58 п. 1 «а» УК РСФСР. Уголовные дела были заочно рассмотрены Военной коллегией Верховного суда СССР, которая на закрытом судебном заседании 13 октября 1941 г. признала Понеделина и Кириллова виновными и приговорила каждого к расстрелу с лишением воинского звания⁸³.

Командиров и политработников, во время боя срывающих с себя знаки различия и дезертирующих в тыл или сдающихся в плен врагу причисляли к злостным дезертирам, а их семьи подлежали аресту. От бойцов и командиров требовалось, чтобы они сражались в бою до последнего. Командиры и комиссары дивизий наделялись правами смещения командиров батальонов и полков, снижения их в должности до рядовых, а при необходимости и расстрела на месте.

Чрезвычайные меры предусматривались и в отношении миллионов советских граждан, в том числе большей части семей воинов Красной армии, оказавшихся на захваченных противником территориях. 30 августа 1941 г. Берия направил всем начальникам особых отделов фронтов и армий директиву об усилении мероприятий по предотвращению измены Родине в частях Красной армии. Предписывалось усилить оперативную работу среди военнослужащих, семьи которых находились на занятой противником территории, взять под наблюдение лиц, интересовавшихся фашистскими листовками. Нарком внутренних дел приказал немедленно арестовывать тех, у кого окажутся спрятанные фашистские листовки, служившие пропуском для перехода к врагу, а также тщательно расследовать каждый случай измены, выявляя сообщников и укрывателей.

12 сентября 1941 г. уполномоченные ГКО Л. З. Мехлис и К. А. Мерецков направили сообщение на имя Сталина. В нем говорилось, что на основании приказа Ставки № 270 по устному решению уполномоченных ГКО по обвинению в «дезорганизации управления артиллерией и личной трусости» перед строем был расстрелян начальник артиллерии 34-й армии генерал-майор В. С. Гончаров⁸⁴.

Аналогичная ссылка на приказ Ставки № 270 содержится в приказе войскам Северо-Западного фронта № 057 от 12 сентября 1941 г., подписанном командованием этого фронта, а также уполномоченными Ставки ВГК Булганиным, Мехлисом и Мерецковым. Этим приказом отстранен от командования армией, арестован и предан суду командующий 34-й армией генерал-майор К. М. Качанов⁸⁵. Следствие продолжалось менее двух недель, и 25 сентября 1941 г. Качанову было предъявлено обвинение в том, что он не выполнил приказ Военного совета Северо-Западного фронта, во время боевых действий «проявил трусость и бежал с поля боя, оставив в тылу противника личный состав частей, всю материальную часть артиллерии, автотранспорт и обозы. Преступные действия Качанова К. М. привели к дезорганизации частей, личный состав которых отдельными группами выходил из тыла противника. Части 34-й армии на 11 сентября 1941 г. были небоеспособными. В результате этого противнику был открыт фронт и ему дали возможность распространиться на восток». В предъявленном обвинении Качанов виновным себя признал⁸⁶.

Поиски виновных в том, что противник достаточно легко продвигался по территории СССР, продолжались. 16 октября 1941 г. военной контрразведкой был арестован командующий 43-й армией генерал-майор П. П. Собенников⁸⁷, обвинявшийся в участии в антисоветском военном заговоре и проведении вредительской работы, направленной на поражение Красной армии в войне.

14 декабря 1941 г. НКВД СССР по обвинению в преступном руководстве вверенными войсками был арестован генерал-майор А. Н. Ермаков⁸⁸. Он обвинялся в том, что, будучи с 25 октября 1941 г. командующим 50-й армией, во время битвы за Москву «преступно руководил вверенными ему войсками и вопреки приказу командования сдал противнику город Сталиногорск».

В соответствии со ст. 133 Конституции СССР нарушение присяги, влекущее, согласно приведенным требованиям приказа Ставки ВГК от 16 августа 1941 г. № 270, расстрел на месте, рассматривалось, наряду с переходом на сторону врага, «нанесением ущерба военной мощи государства» и «шпионажем», как одна из форм измены Родине, т. е. приравнивалось к совершению государственного контрреволюционного преступления, предусмотренного ст. 58-1 «б» УК РСФСР.

Выводы

Первые шесть месяцев войны были самыми трудными для Советского Союза. Войскам Германии и ее союзников удалось продвинуться в глубь СССР на 850–1200 км, оккупировать Прибалтику, Молдавию, большую часть Украины и Белоруссии, ряд областей РСФСР, часть Карело-Финской ССР⁸⁹, Противник блокировал Ленинград, находился на подступах к Москве, имел полное превосходство в воздухе. Германская авиация с начала войны по декабрь 1941 г. совершила 127 налетов на Москву, в ходе которых самолеты противника сбросили на город 1732 фугасных и 58 050 зажигательных авиабомб, от которых пострадало 6742 человека (убито — 1404 человека, ранено — 5338). На территорию Московской области сброшено 5727 фугасных и 30 700 зажигательных авиабомб, пострадало 4385 человек (убито — 1464, ранено — 2921)⁹⁰.

В условиях тяжелейшей военно-политической обстановки части и соединения Красной армии и силы Военно-морского флота вели жестокие кровопролитные сражения с превосходящим по численности и вооружению

противником у границы, защищали Брестскую крепость, вели тяжелые оборонительные бои под Борисовом, Могилевом и Смоленском, героически обороняли Одессу, Москву, Ленинград и Севастополь, пытались вести первые контратаки, вырваться из окружения и плена. Безвозвратные потери за шесть месяцев и девять дней 1941 г. составили 4 473 820 человек. Особенно велик процент (52,2 %) пропавших без вести и попавших в плен⁹¹.

В начальный период Великой Отечественной войны комплектование войск Красной армии велось в сложнейших условиях. За первые восемь месяцев войны в Красной армии после от мобилизации состояло 9 млн человек. Было сформировано для направления на фронт 218 стрелковых дивизий, 85 отдельных стрелковых бригад, 55 кавалерийских дивизий, а также части артиллерии, бронетанковые, инженерные и др., в составе которых находилось 4 388 800 человек. За этот же период на фронт были отправлены маршевые пополнения общей численностью 3 406 100 человек. Общая численность лиц, состоявших на службе в Вооруженных силах СССР (действующая Красная армия и тыловые части⁹², Военно-морской флот, войска НКВД), а также в рабочих колоннах⁹³ составляла 21 010 300 человек или 12 % от населения Советского Союза.

В связи тем, что противник оккупировал часть советской территории, произошло уменьшение количества военнообязанных (потеряно призывников 1922, 1923, 1924 годов рождения не менее 2 млн), кроме того, были исключены из призывных контингентов военнообязанные воюющих с СССР стран (немцы Поволжья и других районов, румыны и др.) — 250 тыс. человек, находились в тюрьмах и лагерях НКВД — 1 млн 182 тыс. человек в возрасте от 17 до 45 лет. Общая численность лиц, которые были исключены из потенциального контингента, подлежащего призыву на военную службу, составляла 3 млн 432 тыс. человек⁹⁴.

В тыловых районах СССР органами НКВД с начала войны и по 20 декабря 1941 г. по подозрению в дезертирстве было задержано 189 137 человек, из числа задержанных арестовано 39 965 человек, передано в райвоенкоматы и войсковые части 149 172 человека. В тот же период в прифронтовой полосе особыми отделами НКВД было задержано 448 975 человек, из них: арестовано 42 900, передано в войсковые части Красной армии 406 075 человек. Всего

в тыловых районах и прифронтовой полосе органами НКВД было задержано по подозрению в дезертирстве свыше 638 тыс. человек, из них арестовано 82 865 человек, передано в военкоматы и войсковые части — 555 247.

Несмотря на трагическое начало 1941 г., советский народ вынес на своих плечах тяжелое бремя борьбы с нацизмом и разгромил германскую армию. Для победы в Великой Отечественной войне и разгрома противника советскому государству пришлось мобилизовать все ресурсы, использовать чрезвычайные методы управления, которые в условиях военного времени были обоснованы и оправданы, но лишь на определенный, не слишком продолжительный, промежуток времени. Великая Отечественная война продолжалась долгих четыре года. За это время чрезвычайные меры, с одной стороны, сыграли определенную положительную роль в повышении организованности и дисциплины в войсках Красной армии и в глубоком

тылу, усилении сопротивления противнику, а с другой — привели к негативным последствиям, когда меры судебного и внесудебного принуждения использовались без достаточных оснований, репрессиям подвергались военнотруженики, не совершившие никаких преступлений, а отступившие под натиском превосходящих сил противника; подверглись насильственному переселению отдельные группы населения и народы.

До победы в войне были еще трудные дни и ночи обороны Сталинграда, битва за Кавказ, Воронежско-Харьковская наступательная операция (1942), разгром германских войск под Сталинградом, Курская, Орловская и Киевская наступательные операции (1943), снятие блокады Ленинграда, наступательные операции на Украине, Белоруссии в Прибалтике, Карелии и Мурманской области (1944), освобождение Красной армией европейских стран, завершением войны стали Берлинская и Пражская наступательные операции (1945).

¹ ЦА ФСБ России. Ф. 3 ос. Оп. 8. Д. 375. Л. 705–1119.

² Гальдер Франц (1884–1972) — немецкий военачальник. Генерал-полковник (1940). Начальник Генерального штаба сухопутных войск (1938–1942). Его «Военный дневник» (т. 1–3, 1962–1964) — важный источник по истории Второй мировой войны.

³ Цит. по: Мягков М. Ю. Грозное лето 1941 г. Первые дни войны // Новая и новейшая история. 2011. № 2.

⁴ Джексон Р. Красные соколы / От «Барбароссы» до «Терминала»: Взгляд с Запада. М., 1988. С. 145–146.

⁵ 1941 год: Сборник документов. В 2 кн. Кн. 1. М., 1998. С. 799, 806–807; Кн. 2. М., 1998. С. 13; Органы госбезопасности СССР в Великой Отечественной войне: Сборник документов. Т. 1. Кн. 2. М., 1995. С. 45–46, 128.

⁶ 1941 год: В 2 кн. Кн. 2. М., 1998. С. 199–200.

⁷ Секреты Гитлера на столе у Сталина. Разведка и контрразведка о подготовке германской агрессии против СССР. М., 1995. С. 30; 1941 год: В 2 кн. Кн. 2. М., 1998. С. 100.

⁸ ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 8. Д. 374. Л. 646, 668.

⁹ ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 8. Д. 374. Л. 676–682.

¹⁰ ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 8. Д. 374. Л. 676–682.

¹¹ Секреты Гитлера на столе у Сталина. Разведка и контрразведка о подготовке германской агрессии против СССР. М., 1995. С. 35–36.

¹² ЦА ФСБ России. Ф. 3 ос. Оп. 8. Д. 9. 87–89.

¹³ Органы госбезопасности СССР в Великой Отечественной войне: Сборник документов. Т. 1. Кн. 2. М., 1995. С. 269–270.

¹⁴ Сергиенко Василий Тимофеевич (1903–1982). Генерал-лейтенант (1945). Нарком внутренних дел УССР (1941–1943), заместитель начальника Центрального штаба партизанского движения (1941–1943), нарком внутренних дел Крымской АССР (1943–1945). Как отмечалось в справке ЦК КПСС 1954 г. с ходатайством о лишении Сергиенко генеральского звания, в сентябре 1941 г. он не обеспечил своевременную эвакуацию аппарата НКВД УССР, в результате чего около 800 сотрудников оказались в окружении, многие попали в плен, погибли или пропали без вести. Сам Сергиенко «проявил растерянность и трусость». См. подробнее: Петров Н. В., Скоркин К. В. Кто руководил НКВД. 1934–1941. Справочник. М., 1999. С. 379

¹⁵ Мешик Павел Яковлевич (1910–1953). Генерал-лейтенант (1943). Нарком госбезопасности УССР (1941), начальник ЭКУ НКВД СССР (1941–1943), заместитель начальника ГУКР «Смерш» НКО СССР (1943–1945). Арестован 30 июня 1953 г. и 23 декабря 1953 г. Специальным судебным присутствием Верховного суда СССР осужден к расстрелу. Не реабилитирован.

¹⁶ ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 8. Д. 375.

- ¹⁷ Ионов Алексей Павлович (1894–1942). Генерал-майор авиации, заместитель командующего ВВС Ленинградского военного округа (июль–декабрь 1940 г.), заместитель командующего ВВС (декабрь 1940 г. — май 1941 г.), командующий ВВС Прибалтийского особого военного округа (10 мая — 23 июня 1941 г.). Арестован 23 июня 1941 г. Расстрелян 23 февраля 1942 г. Реабилитирован 21 сентября 1955 г.
- ¹⁸ Кузнецов Федор Исидорович (1898–1961). Генерал-полковник (1941). С декабря 1940 г. — командующий Прибалтийским особым военным округом. С начала войны — командующий Северо-Западным фронтом. 30 июня 1941 г. снят с должности и находился в распоряжении Ставки. С 10 июля 1941 г. — командующий 21-й армией. С 26 июля 1941 г. — командующий Центральным фронтом. С 14 августа 1941 г. — командующий 51-й отдельной армией, оборонявшей Крым. С ноября 1941 г. — начальник штаба 28-й резервной армии Московского военного округа, с декабря — заместитель командующего Западным фронтом. С января 1942 г. — командующий 61-й армией, с апреля 1942 г. — начальник Высшей военной академии им. К.Е. Ворошилова. С августа 1943 г. — заместитель командующего Волховским, затем Карельским фронтом. С февраля 1945 г. и до конца войны — командующий Уральским военным округом.
- ¹⁹ ЦА ФСБ России. № Р-2998. Д. Т. 1. Л. 80, 171–172, 180.
- ²⁰ ЦА ФСБ России. № Р-2998. Д. Т. 1. Л. 73–75.
- ²¹ История Второй мировой войны 1939–1945 гг. Т. 4. С. 35.
- ²² 1941 год: Сборник документов. В 2 кн. Кн. 2. М., 1998. С. 226.
- ²³ Киршнер Герман (1910–?) — сотрудник абвера; капитан. С июня 1941 г. — командир роты в специальном соединении «Бранденбург-800»; на советско-германском фронте выполнял задания диверсионного характера. В 1943 г. во главе особой группы направлен в Албанию для борьбы с партизанами. 9 мая 1945 г. пленен советскими войсками. 21 июля 1949 г. арестован сотрудниками 2-го Главного управления МГБ СССР. На основании п. «д» § 1 ст. 2 Закона № 10 Контрольного совета в Германии (за принадлежность к организации, объявленной Международным военным трибуналом преступной) по решению Особого совещания при МГБ СССР от 1 октября 1949 г. заключен в ИТЛ на 25 лет. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 28 сентября 1955 г. досрочно освобожден 16 октября 1955 г. Репатриирован в ГДР.
- ²⁴ ЦА ФСБ России. № Н-19788. Л. 35–41.
- ²⁵ Штольце Эрвин (1891–1952), сотрудник абвера, полковник. Заместитель начальника отдела Абвер-2 (1936–1944), начальник диверсионного сектора военного управления РСХА (1944), руководитель Абверштелле-Берлин (1944–1945). Задержан в Берлине 27 мая 1945 г. сотрудниками контрразведки «Смерш» 2-й Гвардейской танковой армии. Арестован, содержался во Внутренней тюрьме. Приговорен к расстрелу в 1952 г.
- ²⁶ ЦА ФСБ России. № Н-20944. Т. 1. Л. 79–84.
- ²⁷ ЦА ФСБ России. № Н-20944. Т. 1. Л. 210–241.
- ²⁸ Истребительные батальоны (численностью от 100 до 200 человек) — в годы войны добровольческие формирования граждан СССР, одна из форм народного ополчения.
- ²⁹ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: Сборник документов. Т. 2. Кн. 1. М., 2000. С. 65.
- ³⁰ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: Сборник документов. Т. 2. Кн. 1. М., 2000. С. 59.
- ³¹ ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 8. Д. 375.
- ³² Цанава Лаврентий Фомич (1900–1955). Генерал-лейтенант (1945). Нарком внутренних дел БССР (1938–1941), нарком госбезопасности БССР (февраль–июль 1941), начальник Особого отдела Западного фронта (июль–октябрь 1941), заместитель начальника Управления особых отделов НКВД СССР (октябрь 1941 — апрель 1943), заместитель начальника Центрального штаба партизанского движения (1943–1945), нарком госбезопасности БССР (1943–1951). Арестован 4 апреля 1953 г. Умер во время следствия.
- ³³ ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 8. Д. 348. Л. 174–175.
- ³⁴ См.: Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: Сборник документов. Т. 2. Кн. 1. М., 2000. С. 35.
- ³⁵ Урбшис Иозас Казимирович (1896–1991), министр иностранных дел Литвы (1938–1940). В 1940 г. депортирован в СССР и направлен в административную ссылку. Подвергнут домашнему аресту 23 июня 1941 г., арестован 26 июня 1941 г. 28 августа 1941 г. этапирован в Саратов. По постановлению Особого совещания при МГБ СССР от 16 апреля 1952 г. «за активную борьбу против революционного движения и враждебную деятельность против СССР» заключен в тюрьму на двадцать пять лет. Центральная комиссия по пересмотру дел на лиц, осужденных за контрреволюционные преступления, содержащихся в лагерях, колониях и тюрьмах МВД СССР и находящихся в ссылке на поселении, 16 августа 1954 г. снизила меру наказания до фактически отбытого. Освобожден из-под стражи с «запрещением проживать в режимных городах, включенных в перечень Совета Министров СССР от 21 октября 1953 г., а также на территории Латвийской, Литовской и Эстонской

ССР». Реабилитирован прокуратурой Литовской ССР 3 апреля 1989 г. в соответствии со ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 г. «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв политических репрессий, имевших место в период 1930–1940-х и начала 1950-х годов».

³⁶ В документе упоминалось об интернировании шести германских граждан, а также об изъятии контрреволюционных элементов. См.: Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: Сборник документов. Т. 2. Кн. 1. М., 2000. С. 81.

³⁷ Беркис Христиан Иванович (1884–1942), военный министр Латвии. В 1940 г. депортирован в СССР и направлен в административную ссылку в г. Молотов. Арестован 27 июня 1941 г. УНКВД по Молотовской области. Умер в тюрьме № 1 г. Молотова 29 июля 1942 г.

³⁸ См.: Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: Сборник документов. Т. 2. Кн. 1. М., 2000. С. 57.

³⁹ Пятс Константин Яковлевич (1874–1956), президент Эстонии. В 1940 г. депортирован в СССР и направлен в административную ссылку, проживал в Уфе. Арестован 26 июня 1941 г. НКГБ Башкирской ССР. В марте 1943 г. переведен в психиатрическую больницу НКВД СССР в г. Казань.

⁴⁰ Мунтерс Вильгельм Николаевич (1898–1967), министр иностранных дел Латвии. В 1940 г. депортирован в СССР и направлен в административную ссылку, проживал в Воронеже. Арестован 26 июня 1941 г. По постановлению Особого совещания при НКВД СССР от 16 апреля 1952 г. заключен в тюрьму на 25 лет. Центральная комиссия по пересмотру дел на лиц, осужденных за контрреволюционные преступления, содержащихся в лагерях, колониях и тюрьмах МВД СССР и находящихся в ссылке на поселении, 16 августа 1954 г. снизила наказание до фактически отбытого срока. Освобожден из-под стражи с ограничением проживания в режимных городах, а также на территории Латвийской, Литовской и Эстонской ССР. Заключением Прокуратуры СССР от 18 декабря 1991 г. реабилитирован.

⁴¹ Балодис Иван (Янис) Петрович (1881–1965). Военный министр и вице-президент Латвии (1931–1940), в 1940 г. выслан в административном порядке под гласный надзор. Арестован 4 июля 1941 г. в г. Иваново. По постановлению Особого совещания при МГБ СССР от 16 апреля 1952 г. «за активную борьбу против революционного рабочего движения и враждебную деятельность против СССР» заключен в тюрьму на 25 лет. 16 августа 1954 г. Центральная комиссия по пересмотру дел на лиц, осужденных за контрреволюционные преступления, содержащихся в лагерях, колониях и тюрьмах МВД СССР и находящихся в ссылке на поселении, снизила срок наказания до фактически отбытого с запрещением проживания в режимных городах и на территории Литовской, Латвийской, Эстонской ССР. Заключением Генеральной прокуратуры РФ от 25 декабря 1991 г. реабилитирован.

⁴² Ульманис Карл Индрикович (1877–1942). Президент Латвии. В 1940 г. депортирован в СССР и направлен в административную ссылку в г. Ворошиловск Орджоникидзевского края (ныне г. Ставрополь). 4 июля 1941 г. по обвинению в преступлениях, предусмотренных ст. 58-4 УК РСФСР, арестован. 1 августа 1942 г. в связи с приближением немецко-фашистских войск этапирован в г. Красноярск. По пути следования оставлен в тюрьме г. Красноводска, где умер 20 сентября 1942 г. 9 января 1943 г. дело прекращено за смертью. Постановлением Генеральной прокуратуры СССР от 16 октября 1991 г. реабилитирован.

⁴³ Осадники — польские колонисты на территории Западной Белоруссии и Западной Украины. Польское правительство в целях полонизации своих восточных территорий, начиная с 1922 г. предоставляло уволенным в запас или отставку военнослужащим Войска Польского крупные участки пахотной земли, создавая себе, таким образом, опору в Западной Украине и Западной Белоруссии. Кроме того, осадники с семьями увеличивали процент польского населения в Западной Украине и Западной Белоруссии и тем самым давали польскому правительству лишний аргумент в том, что Западная Украина и Западная Белоруссия — это исконно польские земли. К 1939 г. осадников насчитывалось около 35 тыс. человек. В 1939–1940 гг. осадники были выселены с территории Западной Украины и Западной Белоруссии.

⁴⁴ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: Сборник документов. Т. 2. Кн. 1. М., 2000. С. 59.

⁴⁵ В директиве были даны указания всем управлениям НКГБ: «Намеченные вами мероприятия согласуйте с первыми секретарями ЦК компартий республик, крайкомов, обкомов ВКП(б) и о результатах проводимой работы телеграфируйте в НКГБ СССР немедленно». См.: Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: Сборник документов. Т. 2. Кн. 1. М., 2000. С. 35.

⁴⁶ Для патрулирования на улицах Москвы было выделено 1 тыс. 525 сотрудников милиции. См.: Органы государственной безопасности в Великой Отечественной войне: Сборник документов. М., 2000. Т. 2. Кн. 1. С. 49.

⁴⁷ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: Сборник документов. Т. 2. Кн. 1. М., 2000. С. 36.

⁴⁸ *Сандалов Л. М.* 1941. На московском направлении. М., 2006. С. 536.

⁴⁹ 1941 год: Сборник документов. В 2 кн. Кн. 1. М., 1998. С. 704, 708.

- ⁵⁰ Голиков Филипп Иванович (1900–1980), советский военачальник. Маршал Советского Союза (1961). С июля 1940 г. — заместитель начальника Генерального штаба — начальник Главного разведывательного управления. С октября 1941 г. — командующий 10-й армией. В 1942 г. — командующий 4-й ударной армией, Брянским фронтом, 1-й гвардейской армией, заместитель командующего Северо-Западным фронтом, с 16 октября 1942 г. — начальник Главного разведывательного управления. В октябре 1942 г. — марте 1943 г. — командующий Воронежским фронтом. С апреля 1943 г. — заместитель наркома обороны по кадрам, с мая 1943 г. — начальник управления кадров НКО и с октября 1944 г. — уполномоченный СНК по делам репатриации.
- ⁵¹ 1941 год: Сборник документов. В 2 кн. Кн. 1. М., 1998. С. 776–780.
- ⁵² 1941 год: Сборник документов. В 2 кн. Кн. 2. М., 1998. С. 25–27.
- ⁵³ ЦА ФСБ России. Ф. 3 ос. Оп. 8. Д. 56. Л. 1028–1030.
- ⁵⁴ ЦА ФСБ России. Ф. 3 ос. Оп. 8. Д. 57. Л. 1227–1280.
- ⁵⁵ 1941 год: Сборник документов. В 2 кн. Кн. 2. М., 1998. С. 259.
- ⁵⁶ 1941 год: Сборник документов. В 2 кн. Кн. 2. М., 1998. С. 383.
- ⁵⁷ Секреты Гитлера на столе у Сталина. Разведка и контрразведка о подготовке германской агрессии против СССР. М., 1995. С. 11–12.
- ⁵⁸ Об этом свидетельствуют документы Национального архива республики Беларусь (НА РБ) и воспоминания Л. М. Сандалова, который с 22 июня 1941 г. воевал в должности начальника штаба 4-й армии Западного, Центрального и Брянского фронтов. См.: Накануне. Западный особый военный округ (конец 1939 г. — 1941 г.): Документы и материалы. Минск., 2007. С. 352–355, 370–371, 375–378; Сандалов Л. М. 1941. На московском направлении. М., 2006. С. 538.
- ⁵⁹ Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. В 3-х тт. М., 1995. Т. 1. С. 348–349.
- ⁶⁰ В целом соглашаясь с тем, что репрессии и истребление лучшей части командиров в 1937–1938 гг. нанесли огромный ущерб Красной армии и заслуживают осуждения, М. А. Гареев, считает, что если бы в июне 1941 г. «вместо Жукова был Тухачевский, а вместо Павлова — Уборевич, мало, что изменилось бы». См.: Гареев М. А. Россия в войнах XIX–XX веков. Уроки и выводы. Причины неудач Красной армии в 1941–1942 гг. // Вестник Академии военных наук. 2010. №4. С. 8.
- ⁶¹ Левин Александр Алексеевич (1896–1942), генерал-майор авиации, заместитель командующего ВВС Ленинградского военного округа. Арестован в Ленинграде 7 июня 1941 г. и этапирован в Москву в распоряжение 3-го Управления НКО СССР. Расстрелян 23 февраля 1942 г., реабилитирован 7 декабря 1955 г.
- ⁶² Пумпур Петр Иванович (1900–1942), генерал-лейтенант авиации, Герой Советского Союза, командующий ВВС Московского военного округа, снят с должности 10 мая, арестован 31 мая 1941 г., расстрелян 23 февраля 1942 г., реабилитирован 25 июня 1955 г.
- ⁶³ Филин Александр Иванович (1905–1942), генерал-майор авиации, начальник научно-испытательного института ВВС Красной армии (1937–1941). Арестован 23 мая 1941 г., расстрелян 23 февраля 1942 г., реабилитирован 26 марта 1955 г.
- ⁶⁴ Шахт Эрнст Генрихович (1904–1942), генерал-майор авиации, Герой Советского Союза, с апреля 1941 г. — помощник командующего ВВС Орловского военного округа. Арестован 30 мая 1941 г. в Орле и этапирован в Москву в распоряжение 3-го Управления НКО СССР. Расстрелян 23 февраля 1942 г., реабилитирован 26 ноября 1955 г.
- ⁶⁵ Мерецков Кирилл Афанасьевич (1897–1968), советский военачальник. Маршал Советского Союза (1944), Герой Советского Союза (1940). С января 1941 г. — заместитель наркома обороны, с июня 1941 г. — представитель ВГК. После ареста заключен во Внутреннюю тюрьму НКВД СССР 30 июня 1941 г. (См.: ЦА ФСБ России. Ф. 20. Оп. 1. Д. 22. Л. 126). Освобожден по указанию Сталина 6 сентября 1941 г. и назначен командующим 7-й отдельной армией, с ноября — 4-й армией, с декабря 1941 г. — Волховским фронтом, с февраля 1944 г. — Карельским фронтом.
- ⁶⁶ Штерн Григорий Михайлович (1900–1941), генерал-полковник (1940), Герой Советского Союза (1939), начальник Главного управления ПВО НКО СССР. Арестован 7 июня 1941 г., расстрелян 28 октября 1941 г., реабилитирован 27 августа 1954 г.
- ⁶⁷ Локтионов Александр Дмитриевич (1893–1941), генерал-полковник (1940), в 1939–1940 гг. — заместитель наркома обороны по авиации, арестован 19 июня 1941 г., расстрелян 28 октября 1941 г., реабилитирован 15 октября 1955 г.
- ⁶⁸ Рычагов Павел Васильевич, (1911–1941), Герой Советского Союза (1936), генерал-лейтенант авиации (1941). Начальник Главного управления Военно-воздушных сил Красной армии (1940–1941), одновременно заместитель наркома обороны СССР (февраль–апрель 1941). Арестован 24 июня 1941 г., расстрелян 28 октября 1941 г., реабилитирован 23 июля 1954 г.
- ⁶⁹ Арженухин Федор Константинович (1902–1941), генерал-лейтенант авиации, начальник штаба ВВС Красной армии (1939), начальник Военной академии командного и штурманского состава ВВС (1940–1941). Арестован 28 июня 1941 г., расстрелян 28 октября 1941 г., реабилитирован 23 ноября 1954 г.

- ⁷⁰ Володин Павел Семёнович (1900–1941), генерал-майор авиации, начальник штаба ВВС Красной армии. Арестован 27 июня 1941 г., расстрелян 28 октября 1941 г., реабилитирован 17 апреля 1954 г.
- ⁷¹ Ласкин Николай Алексеевич (1894–1942), генерал-майор авиации, начальник штаба ВВС Юго-Западного фронта. Арестован 11 июля 1941 г. Расстрелян 23 февраля 1942 г., реабилитирован 25 апреля 1956 г.
- ⁷² Проскуров Иван Иосифович (1907–1941), генерал-лейтенант авиации, Герой Советского Союза, заместитель наркома обороны и начальник Разведуправления РККА (1939–1940), заместитель начальника ВВС Красной армии (1940–1941). 22 июня 1941 г. назначен командующим ВВС 7-й армии. Арестован 27 июня 1941 г., расстрелян 28 октября 1941 г., реабилитирован 11 мая 1954 г.
- ⁷³ В конце 1941 г. были арестованы и на следствии «признали», что являются «участниками антисоветской группы, существовавшей в академии имени Фрунзе», генерал-майоры: Плюснин Николай Иванович (1891–1967); Кузьмин Федор Кузьмич (1896–1955); Соколов Александр Яковлевич (1889–1948); Бурлачко Федот Семенович (1892–1949); Армадеров Георгий Александрович (1888–1956); Глазков Алексей Александрович (1888–1943). См.: ЦА ФСБ России. Ф. 4 ос. Оп. 1. Д. 11. Л. 47–49.
- ⁷⁴ Командующий войсками Западного фронта генерал армии Павлов Дмитрий Григорьевич (1897–1941) арестован 5 июля 1941 г. Обвинялся в «трусости, бездействии и паникерстве». Приговором Военной коллегии Верховного суда СССР от 22 июля 1941 г. на основании ст.ст. 193–17 п. «б» и 193–20 п. «б» УК РСФСР осужден к расстрелу. Приговор приведен в исполнение в тот же день. Определением Военной коллегии Верховного суда СССР от 31 июля 1957 г. реабилитирован.
- ⁷⁵ РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 2. Д. 3 Л. 95–96.
- ⁷⁶ Малышев Петр Федорович (1898–1972), советский военачальник. Генерал-лейтенант (1943). В 1937 г. арестован и до 1940 г. находился под следствием. В феврале 1940 г. восстановлен в кадрах РККА и назначен заместителем командира 64-й стрелковой дивизии. С начала войны — командир 3-й запасной стрелковой бригады, с 14 июля 1941 г. — командир 64-й стрелковой дивизии. Имел задачу обороны Смоленска, после занятия которого противником находился под следствием. Освобожден за отсутствием состава преступления. С апреля 1942 г. — командир 288-й стрелковой дивизии, с октября 1942 г. — заместитель командующего 16-й армией, с мая 1943 г. — командир 8-го гвардейского стрелкового корпуса. С декабря 1943 г. и до конца войны — командующий 4-й ударной армией.
- ⁷⁷ Военно-экспертная комиссия работала с 17 декабря 1941 г. по 13 февраля 1942 г.
- ⁷⁸ Постановлением заместителя начальника следственной части Особого отдела НКВД Западного фронта от 27 февраля 1942 г. уголовное дело прекращено с формулировкой «ввиду нецелесообразности». Малышев П.Ф. освобожден из-под стражи и направлен на фронт. Заключение Главной военной прокуратуры от 14 июля 2003 г. реабилитирован.
- ⁷⁹ Качалов Владимир Яковлевич (1890–1941). Генерал-лейтенант, командующий войсками Северо-Кавказского (апрель–июнь 1941) и Архангельского (июнь 1941) военных округов, командующий 28-й армией Западного фронта (июнь–август 1941).
- ⁸⁰ Понеделин Павел Григорьевич (1893–1950), генерал-майор. Командующий 12-й армией Киевского особого военного округа (март–июнь 1941), командующий 12-й армией Юго-Западного фронта (июнь–август 1941), 7 августа 1941 г. под Уманью был пленен и до конца войны находился в плену. Арестован 30 декабря 1945 г. Военной коллегией Верховного суда СССР 25 августа 1950 г. приговорен к высшей мере наказания и в тот же день расстрелян. Определением Военной коллегии Верховного суда СССР от 29 февраля 1956 г. дело прекращено за отсутствием состава преступления.
- ⁸¹ Кириллов Николай Кузьмич (1897–1950), генерал-майор. Командир 13-го стрелкового корпуса 12-й армии Юго-Западного фронта. 10 августа 1941 г. был пленен и до конца войны находился в плену. Арестован 30 декабря 1945 г. Военной коллегией Верховного суда СССР 25 августа 1950 г. приговорен к высшей мере наказания и в тот же день расстрелян. Определением Военной коллегии Верховного суда СССР от 29 февраля 1956 г. дело прекращено за отсутствием состава преступления.
- ⁸² АП РФ. Ф. 3. Оп. 50. Д. 415. Л. 155–161.
- ⁸³ Подготовленный под влиянием неудач Красной армии приказ № 270 не учитывал многих реальных обстоятельств. Как выяснилось в ходе расследования, Качалов не сдался в плен, а погиб в бою 4 августа 1941 г. Понеделин и Кириллов были захвачены в плен превосходящими силами противника. См.: Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: Сборник документов. Т. 2. В 2 кн. Кн. 1. М., 2000. С. 484.
- ⁸⁴ Гончаров Василий Сафронович (1894–1941), генерал-майор, начальник артиллерии 34-й армии Северо-Западного фронта. Высшая мера уголовного наказания применена во внесудебном порядке, без проведения предварительного следствия, а также без какого-либо расследования и получения письменного объяснения. 15 октября 2002 г. по заключению Главной военной прокуратуры в соответствии с п. «б» ст. 3, ч. 2 ст. 8 Закона РФ «О реабилитации жертв политических репрессий» от 18 октября 1991 г. реабилитирован.

⁸⁵ Качанов Кузьма Максимович (1901–1941), командир 24-го стрелкового корпуса 27-й армии Северо-Западного фронта (июнь–август 1941), командующий 34-й армией Северо-Западного фронта (август–сентябрь 1941). Арестован 12 сентября 1941 г. Военным трибуналом Северо-Западного фронта 27 сентября 1941 г. по ст. 193 п. 22 УК РСФСР лишен военного звания генерал-майор и приговорен к расстрелу. 28 сентября 1941 г. приговор утвержден заместителем наркома обороны СССР Мехлисом и 29 сентября приведен в исполнение. Определением Военной коллегии Верховного суда СССР от 19 декабря 1957 г. уголовное дело прекращено за отсутствием состава преступления.

⁸⁶ См.: ЦА ФСБ России. № Н-21784. Л. 60–61, 82–85, 90, 99, 115, 116.

⁸⁷ Собенников Петр Петрович (1894–1960), советский военачальник. Генерал-лейтенант (1945). С августа 1941 г. — командующий 43-й армией. 16 октября 1941 г. арестован по обвинению в участии в «антисоветском военном заговоре и проведении вредительской работы», направленной на поражение Красной армии в войне. На допросах участие в антисоветском военном заговоре отрицал, подтверждая лишь свою полную ответственность за поражение 43-й армии. 28 января 1942 г. дополнительно предъявлено обвинение в совершении преступлений, предусмотренных ст. 193-21 п. «а». По приговору Военной коллегии Верховного суда СССР от 6 февраля 1942 г. по ст. 58-1 п. «б» и 58-11 УК оправдан, по ст. 193-21 п. «б» УК лишен воинского звания и подвергнут лишению свободы в ИТЛ на 5 лет. Освобожден. С февраля 1942 г. в группе маршала Ворошилова занимался формированием резервных армий в тылу. С ноября 1942 г. и до конца войны — заместитель командующего 3-й армией.

⁸⁸ Ермаков Аркадий Николаевич (1899–1957), советский военачальник. Генерал-лейтенант (1944). С октября 1941 г. — командующий 50-й армией. Арестован 14 декабря 1941 г. по обвинению в совершении преступления, предусмотренного ст. 193-21 п. «б» УК РСФСР. 29 января 1942 г. Военной коллегией Верховного суда СССР приговорен к 5 годам ИТЛ и лишен воинского звания. 3 февраля 1942 г. освобожден из-под стражи и направлен в распоряжение НКЮ. В июне 1942 г. — заместитель командующего 20-й армией, в марте 1943 г. — командующий 20-й армией. С апреля 1944 г. — командир 23-го стрелкового корпуса.

⁸⁹ В конце 1941 г. германские и финские войска оккупировали две трети территории Карелии (18 районов из 26), в том числе и столицу — г. Петрозаводск (20 октября 1941 г.). Противником были захвачены города Олонец, Кандопога, Кексгольм, Сортавала, Выборг.

⁹⁰ По данным на 23 декабря 1941 г., от зажигательных и фугасных бомб в Москве возник 1541 пожар, в результате бомбардировок и пожаров уничтожено 412 и повреждено 879 жилых домов, полностью разрушено 22 промышленных объекта (3 завода, 12 фабрик, 7 предприятий городского и железнодорожного транспорта), частично разрушено 110 промышленных объектов, пострадало 85 культурно-просветительных, учебных, научных, лечебных и общественных учреждений (18 разрушено, 67 повреждено). См.: ЦА ФСБ России. Ф. Зос. Оп. 8. Д. 15. Л. 384–386.

⁹¹ Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь. Новейшее справочное издание. М., 2009. С. 59.

⁹² Численность запасных частей, военных училищ, академий, местных стрелковых войск и тыловых учреждений военных округов составляла 1 млн 851 тыс. человек. См.: АП РФ. Ф. 3. Оп. 50. Д. 266. Л. 27–28.

⁹³ В рабочих колоннах находилось 1 млн 264 тыс. 400 человек. См.: АП РФ. Ф. 3. Оп. 50. Д. 266. Л. 27–28.

⁹⁴ АП РФ. Ф. 3. Оп. 50. Д. 266. Л. 27–28.